

Т. П. Разбеглова

УДК 130.2:821.112.2"19".09

**КУЛЬТУРНО-
ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО
ТЕКСТА
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО
МЫШЛЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА
Т. МАННА)**

Гуманитаризация современного образования имеет большое значение для решения антропологических и социальных проблем. В этом смысле важным результатом образования становится развитие культурологического мышления как отражение сформированности межкультурной компетенции будущего специалиста.

Культурологическое мышление – это комплексное понятие, отражающее способность современного человека мыслить, воспринимать явления окружающего мира – среду, людей, события, историю и т.п. – в контексте и через призму культурных ценностей, целей и смыслов. Оно формируется и выступает как свойство личности, определяющее ее духовно-интеллектуальную конституцию, как инструмент комплексного осмысления социокультурного опыта человечества. Особенности культурологического мышления являются полифоничность, способность в одно-временности мыслить, постигать, различать, оценивать разные, иногда разновременные, отличные друг от друга культуры и культурные феномены, понимая и ощущая при этом их связь и внутреннее единство.

Сформированное культурологическое мышление есть результат культурно-ориентированного образования. Оно проявляет себя в способности распознавать и классифициро-

вать различные явления и факты культуры, оценивать социокультурные феномены, осознавать, ставить и решать нравственные и социальные проблемы, воспринимать окружающий мир посредством эстетических форм. Понимание культурологического мышления как структуры сознания позволяет рассматривать его в качестве фактора возможной ориентации личности в постоянно меняющейся социокультурной среде.

Говоря о генезисе культурологического мышления, следует считать его базой языковое пространство и связанные с ним формы культуры: литературу, историографию, философию и др. Он приводит нас к одной из базовых проблем гуманитарного знания – проблеме взаимодействия языка и культуры.

Проблема связи языка и культуры, выражения в языке ценностных структур и ментальности получила широкое развитие как в сфере научной лингвистики, так и в культурологической мысли. Лингвистический поворот в философии XX в. утвердил статус языка как самостоятельной, автономной системы, дал толчок широкому осмыслению как самого этого феномена, так и связанных с ним культурных форм.

Будучи способом выражения мысли и способом ее передачи, язык тесно связан с мышлением. Соотношение языка и мышления – один из «вечных» вопросов и языкознания, и философии. Подключение к этой связи культуры как среды существования и языка, и мышления добавляет важный аспект проблемы их взаимосвязи, суть которой состоит в том, что именно культура определяет соотношение *означаемого* (предмета реальности) и *означающего* (слова, текста). Иначе говоря, слово отражает не сам предмет реальности, а то его видение, которое опосредовано у субъекта мышления и говорения имеющимися уже в его сознании представлениями, понятиями об этом предмете, иными словами, опосредованными культурной средой. Это касается как автора текста, так и его реципиента. Именно культура как среда, порождающая и обеспечивающая существование языка и языковых форм, является основ-

ным источником всех смыслов. Этот факт позволяет видеть за языковым текстом культуру и изучать культуру посредством изучения текста, иначе говоря, рассматривать литературный текст как «языковую модель культуры», а ее изучение – как фактор развития культурологического мышления.

Наиболее серьезное научное рассмотрение данной проблема получила в двух областях: филология (когнитивная лингвистика, лингвокультурология) и философия (аналитическая философия, философия языка, философия культуры). Филологический ракурс рассматривает связку «язык – текст – культура» посредством таких структурных единиц, как «концепт», «нарратив», «языковая картина мира» и др. Термин «концепт» является одним из ключевых в исследовании языковой картины мира (ЯКМ). Рассматривая концепт как ментальное образование в сознании индивида, имеющее лексическое выражение, лингвокультурология связывает его с более широким понятием «коцептосферы социума», которая и есть культура. Таким образом, анализ языковых концептов позволяет сформировать «микромодель культуры» [4]. Концепты представляют собой наше знание об окружающих нас живых существах и объектах, которые реализуют «базовую когнитивную сущность, позволяющую связывать смысл со словом» и «с психологической точки зрения выполняют функцию категоризации» [4, с. 15]. Посредством концептов происходит трансляция культуры и ее смыслов в ментальное пространство индивида как носителя культуры.

Данный подход «задействует» в механизме «язык – культура» минимальные структурные единицы – лексемы. Расширение ракурса видения проблемы мы обнаруживаем в работах Г. Гачева, который рассматривает язык как «национальный логос», или национальный «космологос», отражающий миропонимание, строй мышления, присущий народу, этносу, нации [3].

Еще более широкий ракурс взаимосвязи знака и его культурного смысла дает Ю. Лотман. Введенное Ю. Лотманом понятие «семиосфера» отражает понимание языкового

семиотического пространства не как совокупности языков, а как условия самого их существования. «Неразложимым работающим механизмом – единицей семиозиса – следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство» [7, с. 177]. Таким образом, оказывается возможным построение семиотических моделей различных культур или их исторических типов, интерпретация культурных явлений и обозначение их места в культурном целом.

Философские пути рассмотрения указанной проблемы приводят нас к пониманию механизмов взаимодействия между словами (знаками) и вещами (культурными явлениями) путем формирования ментальных структур, благодаря которым осуществляются связи между ними. Продуктивные пути исследования данной проблемы были предложены философией структурализма, в частности М. Фуко в его работе «Слова и вещи» [11]. Введенное им понятие «эпистема» обозначает исторически изменяющиеся структуры, которые определяют предпосылки и условия существования смысловых концептов сознания и культуры в определенный исторический период. Эпистема – это та глубинная почва, на основе которой осуществляется любая кодификация в культуре, а значит, она определяет и возможности восприятия культуры на основе кодов и знаковых систем. «На ее основе строятся свойственные той или иной эпохе коды восприятия, практики, познания, порождаются отдельные идеи, концепции или произведения. Особенности эпистемы задают мыслительное своеобразие той или иной эпохи» [9, с. 173]. Например, эпистемы, вычленимые М. Фуко в «Словах и вещах», – это синхронные срезы «археологической почвы», определяющие не осознаваемые человеком нормы его деятельности, способы означения, специфика которых задает мыслительное своеобразие той или иной эпохи.

Разработанная структуралистами (М. Фуко, Р. Барт, Ж. Лакан, У. Эко и др.) стратегия структурной аналитики культуры опиралась на ряд теоретико-методологических положений. Прежде всего, это представление о куль-

туре как совокупности знаковых систем и культурных текстов. Термин «совокупность» ставил вопрос о наличии объединяющих факторов, позволяющих отнести их к той или иной культуре. Далее, это идея о существовании универсальных, инвариантных ментальных структур, скрытых от сознания, но влияющих на формирование смысловых связей между явлениями внешнего мира и порядками мышления, мировосприятия, культурной нормативностью. Предполагалось, что данные структуры должны были найти выражение в феноменах культуры и тем самым обусловить возможность восприятия культуры ее субъектами.

В современной философии понятие эпистемы имеет более широкий спектр значений вплоть до понимания ее как устойчивой системы координат мыслительного и духовного пространства, что позволяет выявить глубинные основы культурного многообразия. Широта и универсальность понятия позволяет выйти за пределы собственно властных и когнитивных структур и рассматривать его как инвариант, задающий параметры мышления и чувствования, поведения и ориентирования в системах культуры. В связи с этим представляется возможным использовать его как категорию для анализа различного рода структур, в том числе художественно-эстетического пространства.

Сфера культуры в ее синхроническом срезе обладает неким внутренним единством, которое обусловлено тем, что механизмы, управляющие знанием, мышлением и чувствованием, действуют единым фронтом. Они организуют всю систему действий человека в социуме, в том числе определяют творчество и его рецепцию. В таком значении эпистема представляет собой рациональную структуру, стратегию рассудка по выстраиванию определенной картины реальности. Однако предельно широкое использование понятия эпистемы, распространяющее его даже на глобальные надысторические и надэтнические культурные образования (например, западноевропейская культура в целом), делает возможным также и «узкое» его понимание, характе-

ризующее смысловое поле творческой субъективности, позволяющее через себя осмыслить общую эпистемологическую систему построения идеальной картины реальности.

Такой подход позволяет отойти от собственно лингвистических аспектов, фиксации рациональных структур мышления и поставить проблему конструирования духовной реальности через смыслы и значения устойчивых, базовых элементов, носителей культурных смыслов.

Выделим особенности культурно-эпистемологического подхода к анализу текста. Художественный текст с точки зрения эпистемологического подхода представляет собой организованную систему мышления и отражает зафиксированную в нем систему знаний. По определению Т. Ю. Коневой, «концепты в художественном тексте выступают в качестве единиц знания, по которым восстанавливается когнитивно-эпистемическая ситуация и основа миропонимания в том или ином сегменте коммуникативного процесса». Будучи нарративной структурой, он служит формой выражения различных типов знания. Как объект эпистемологического анализа «художественный текст представляет собой способ презентации когнитивной культуры, к которой он принадлежит, отражает специфику языка, одновременно являясь средством упорядочения знаний о внешнем мире» [5, с. 6, 13].

Культурно-эпистемологический анализ текста направлен на выделение в тексте определенных структур, несущих информацию о культурных смыслах, невыраженную явно в лексических единицах или «стоящих за ними». Этими структурами являются образно-семантические элементы, смысловые концепты, образы, контексты. В целом они образуют внутренне организованное ментальное пространство, воспроизводящее образ и структуру социокультурного мира в его образно-смысловой и пространственно-временной конкретности. Эпистемологический аспект анализа состоит в выявлении заложенных в тексте образов, смыслов и отношений, которые и формируют принцип построения менталь-

ного образа социокультурного мира. Ментальный образ содержит схемы взаимоотношений, ценностные структуры, оценочные критерии, имеющие, однако, форму не рационального осмысления, а эмоционального переживания, вчувствования.

Интересным объектом культурно-эпистемологического анализа текста как источника формирования ментальных образов культуры является литературное творчество Томаса Манна. Уникальность этого феномена мировой литературы состоит в том, что в нем достигнут синтез философского, культурологического и собственно литературного дискурсов. В интеллектуальном мире писателя образ культуры как максимально полной манифестации человеческого духа занимает первостепенное место.

Практически каждое из крупных произведений Т. Манна создает образ объемного культурно-пространственного целого, в котором духовно-психологический образ и перипетии жизненного пути героя разворачиваются внутри воссоздаваемого писателем культурного мира. Томас Манн выстраивает культурные миры, имеющие собственную чувственно-смысловую организацию. С культурологической точки зрения все крупные произведения великого писателя представляют собрание грандиозных в своем духовном охвате фресок различных культур, воссозданных во всей внутренней полноте. Культурософская направленность творчества Томаса Манна проявляется в том, что ткань словесного развертывания, как богатый восточный ковер, имеет своей основой прочное переплетение научных, философских, исторических, мифологических, психологических контекстов. Таковы его философско-поэтические романы «Будденброки», «Иосиф и его братья», «Волшебная гора», «Лотта в Веймаре», «Королевское высочество», «Доктор Фаустус» и др. Веером разбросана культурная мозаика новелл. В творчестве Томаса Манна именно *культура* становится смысловой доминантой, а сюжет — лишь поводом для ее развертывания. Прямо эту идею выражают его культурно-философские эссе, лите-

ратурно-критические статьи, в которых научные, социальные и эстетические проблемы становятся не только предметом размышлений действующих лиц, но и сюжетом, основой образотворчества, движущими силами развития судеб и характеров героев.

Выстраивание культурного мира во всей его полноте носит в произведениях Томаса Манна эпистемологический характер. Яркий пример культурно-эпистемологического мышления писателя — его роман «Доктор Фаустус» — произведение эпохальное в европейской культуре и в культуре XX века, в частности, ставшее, по мысли В. Руднева, последним великим произведением европейского модернизма и первым произведением постмодерна [10]. Мультикультурная пространственность этого произведения складывается из многочисленных включений различных культурно-пространственных образов, смысловых аллюзий, цитат. В результате этого наряду с многими «образами-участниками» раскрываемого в романе сюжета появляется множество образов «сопутствующих», образующих свои сюжеты и относящиеся к разным культурным мирам. Концентрическими кругами, такими как интертекстуальные отсылки, воссоздаются грани культурных миров — от мифа с его способом моделирования реальности, принципиальной двойственностью, блужданием между трансцендентным (скрытым смыслом) и имманентным (сама фабула) до реальности фашистской Германии с ее жесткой однозначностью.

Эпистемологически роман представляет структуру миропонимания, основанную на принципе множественности: гипертекст, начавшийся с принципиальной двойственности. Двойственность, прежде всего, проявляется в удвоении фигуры героя: Леверкюн и его друг, рассказывающий историю его жизни, являющийся его оборотной (светлой) стороной, alter ego, прикрытое дружеской упрощенностью, нарочитым дистанцированием. Сам Томас Манн писал о принципе двойственности: «...главным моим выигрышем при введении фигуры рассказчика была возможность выдержать повествование в двой-

ном временном плане, полифонически вплетая события, которые потрясают пишущего в самый момент работы, в те события, о которых он пишет так, что дрожание его ручки получает двойное и вместе с тем однозначное объяснение в грохоте отдаленных взрывов и во внутреннем содрогании» [8, с. 219]. В романе постоянно присутствуют два культурных пласта: современной ему истории Германии и культурного периода, в котором развивается действие самого романа. Периодически к этим пластам добавляются культурно-исторические аллюзии: образы различных культурных эпох, феноменов, историко-культурных сюжетов.

Отдельными культурными пространствами, обладающими своей внутренней полнотой и выраженностью, можно считать старобюргерскую культуру выдуманного Кайзерсасхерна и аналогичный ему мир Пфейферинга, культуру светских салонов Мюнхена, обращенный по духу в гегелевскую и романтическую эпоху мир университетской культуры, иррациональный мир средневековья, романтическую сферу природы, путешествий и прогулок. Таким образом, средневековье, романтизм, рационализм Просвещения, старонемецкое протестантское бюргерство, салонный модернизм – все это составляет культурный фон разыгрываемой духовной драмы, связывающей эти миры своей внутренней структурой. Именно внутреннее духовное пространство, связанное при всей своей мозаичности, составляет эпистему романа, обуславливая ее целостность, органичность, единство во множественности.

Основой эпистемы становится ее внутренняя поляризация: внешнего и внутреннего, рационального и стихийного, божественного и дьявольского. Она реализуется, прежде всего, в противоположности духовных миров двух главных персонажей – профессора классической филологии Серенуса Цейтблома, от лица которого ведется повествование, и его друга Адриана Леверкюна, жизнь которого Цейтблом описывает. Спокойная интеллигентность, размеренность и рациональная педантичность повествователя составляет смы-

словую дистанцию с глубоким, скрытым за иронией трагизмом Леверкюна. Их роднит разве что свойственный немецкой культуре интеллектуализм, но различие обнаруживает характерную для европейской культуры поляризацию рационально-аполлонического и стихийно-дионисийского начал, прошлого (культура) и будущего (безумие, распад) Европы.

На основе эпистемологического единства становится возможной и органичной интертекстуальность романа. Вложенные сюжеты, культурные миры, имеющие собственную образно-семантическую организацию, но вместе с тем подчиняющиеся общей для них эпистемологической структуре. Исследователь современной литературной поэтики В. Руднев пишет: «Что касается цитаты, то она перестает в поэтике интертекстуальности играть роль простой дополнительной информации, отсылки к другому тексту, цитата становится залогом самовозрастания смысла текста» [10, с. 113]. Мультикультурная пространственность произведений Томаса Манна обуславливается самим методом интертекстуальности.

Последователь Ролана Барта Л. Женни замечает, что «свойство интертекстуальности – это введение нового способа чтения, который «взрывает» линейность текста. Каждая интертекстуальная отсылка – это метод альтернативы: либо продолжать чтение, видя в ней лишь фрагмент <...> либо вернуться к тексту источнику, прибегая к своего рода интеллектуальному анамнезу, в котором интертекстуальная отсылка выступает как смещенный элемент» [Там же, с. 115].

В романе Т. Манна органичность интертекстуальных отсылок, базирующая на эпистемологическом единстве, создает впечатление, что они как бы «нанизаны» на один стержень – сюжетно и по смыслу. Все культурно-пространственные миры включены в общее пространство, создавая его внутреннюю духовную многомерность. Особую духовную реальность в этом контексте образует мир музыки. Будучи включенным в общее пространство, он тем не менее образует его духовно-смысловую параллель с аналогичными элементами.

Особое значение приобретает в романе ирония. Ирония, обладающая принципиальной двойственностью, становится способом организации духовно-пространственной среды, соотносённости внешнего и внутреннего, отстранения и самоидентификации. В этом смысле ирония является объединяющим все фрагменты началом, становится стержнем эпистемы. Тотальность иронии в том, что она вырастает в эпистемическую стратегию, через нее, как сквозь кристалл, мы видим и воспринимаем, прочитываем различные миры – их инаковость и органичность, отстраненность и идентичность. Ирония стягивает все в одно эпистемологическое пространство. Смысл иронии как эпистемологического компонента состоит в обозначении дистанции, своего рода «точки обзора» для восприятия создаваемого культурного мира, по отношению к которому субъект восприятия выступает созерцателем.

Ментальные образы культурных миров, складывающиеся при восприятии романа, имеют два пласта: внешний (феноменальный, представленный культурными феноменами различных эпох) и внутренний, воссоздающий крупные историко-культурные образования в их духовной значимости. Как отмечает С. Лем, ««Доктора Фаустуса» признают произведением, которое представляет собой <...> истолкование судьбы Германии в XX столетии. <...> А потому – нельзя ли считать «Доктора Фаустуса», помимо прочего, также и историософским романом, говорящим не о единичном явлении, воплощенном в гитлеризме, но о его духовных источниках, постоянно пульсирующих в немецкой мысли?» [6, с. 690, 715]. Постоянная циркуляция смыслов от внешнего к внутреннему, и шире – от образа к прообразу, от реальности к мифу (например, судьба «реального» и «единичного» Адриана Леверкюна, восходящая к мифологическому образу Фауста) – вот эпистемологическая схема, которая центрирует ментальный образ культурных миров, созданный писателем. По мнению С. Лема, ««Доктор Фаустус» относится к книгам, излучающим огромное количество разнообразных потенциальных контактов в многочисленные обла-

сти непреходящих культурных традиций» [6, с. 691].

Культурная полифоничность, сложность культурно-эпистемологического характера литературной ткани произведений Томаса Манна является не только их бесспорным достоинством, но и обуславливают сложность их восприятия. Прочтение их требует культурологической компетенции познающего субъекта и, в свою очередь, способствует ее формированию. Культурно-эпистемологический анализ текстов Томаса Манна становится той основой, на которой формируется культурологическое мышление.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается принцип культурно-эпистемологического подхода к литературному тексту, направленного на выявление ментального образа социокультурного мира и его базовых составляющих. Проанализированы эпистемологические смыслы произведений Томаса Манна, в частности романа «Доктор Фаустус». Сделан вывод о возможности применения культурно-эпистемологического анализа в педагогическом процессе с целью формирования культурологического мышления.

Ключевые слова: культурологическое мышление, эпистема, ментальное пространство, ментальный образ социокультурного мира, мультикультурное пространство текста, культурософия, Томас Манн, «Доктор Фаустус».

SUMMARY

The article deals with the principle of the cultural and epistemological approach to the literary text aimed at revealing the mental image of the sociocultural world and its basic components. The epistemological meanings of the works of Thomas Mann, in particular the novel "Doctor Faustus", are analyzed. The conclusion about the possibility of applying cultural-epistemological analysis in the pedagogical process with the goal of forming cultural thinking made.

Key words: culturological thinking, episteme, mental space, mental image of the sociocultural world, multicultural space of the

text, culturology, Thomas Mann, "Doctor Faustus".

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1994.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
3. Гачев Г. Ментальности народов мира. – М.: Алгоритм, 2008. – 544 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – М.: Гнозис, 2004. – 389 с.
5. Конева Т. Ю. Исследование англоязычного художественного текста XX века с позиции эпистемологического подхода: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2006. – 24 с.
6. Лем С. Философия случая / пер. с пол. Б. А. Старостина. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 767 с.
7. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. – СПб.: Азбука, 2014. – 416 с.
8. Манн Т. История «Доктора Фаустуса»: собр. соч. в 10-ти томах. – М.: Госиздат Художественной литературы, 1960. – Т. 9. – 686 с.
9. Разбеглова Т. П. Истоки и границы оптимизма: культурно-эпистемологические основы классического музыкального мышления // Проблемы взаємодії мистецтва, педагогіки та теорії і практики освіти: зб. наук. пр. – Й. Гайдн – І. Котляревський: мистецтво оптимізму / Харк. держ. ун-т мистецтв ім. І. П. Котляревського; ред.-упоряд. Л. В. Русакова. – Харків: Тимченко, 2009. – Вип. 27. – С. 172–183.
10. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1999. – 384 с.
11. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с франц. П. В. Визгина, Н. С. Автономовой. – СПб.: А-сэд, 1994. – 435 с.
12. Ямпольский М. Б. Память Тиресия: Интертекстуальность и кинематограф. – М.: РИК «Культура», 1993. – 464 с.

А. В. Люликова

УДК 378.147:821.161.1_п10/16"

РАЗВИТИЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В системе подготовки филологов курс русской литературы является одним из обязательных, который ориентирован на формирование у обучающихся целостного представления о русской литературе в ее историческом развитии и современном состоянии, о закономерностях литературного процесса, месте и роли литературы в истории и культуре России.

Первый этап в оформлении традиций русской литературы приходится на X–XVII ст., которые традиционно называют периодом древнерусской литературы. Этот период уникален с точки зрения синкретизма жанровой системы. Произведения первых семисот лет русской литературы создавались в рукописной форме и носили преимущественно анонимный характер. Этими и другими особенностями поэтики древнерусской литературы обусловлены некоторые трудности в преподавании курса. Следует помнить о том, что именно древнерусская литература является отправной точкой в формировании аналитических способностей обучающихся и их литературной компетентности в целом.

Методы и принципы обучения древнерусской литературе сформировались в отечественной методике еще в XIX ст. в трудах Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского. Позже данный вопрос был рассмотрен исследователями прошлого столетия – В. П. Адриановой-Перетц, В. В. Виноградовым, Н. К. Гудзием, Л. А. Дмитриевым, Д. С. Лихачёвым, В. В. Кусковым, Я. С. Лурье, А. М. Панченко и др. Ме-